

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Ульянова Алексея Владимировича
на тему: «Охраняемые законом интересы в гражданском праве»
представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное право

Диссертация соискателя представляет собой оригинальную и целостную научно-квалификационную работу, направленную на изучение существенных проблем гражданского права, которые связаны с определением юридической действительности охраняемого законом интереса в гражданско-правовой сфере. Осуществляемая в настоящее время широкомасштабная реформа гражданского законодательства повлечет пересмотр положений общей части гражданского права. Такая серьезная законодательная мера требует глубокого теоретического обоснования путем проработки научно-юридических концепций – Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, Концепции развития законодательства о вещном праве и др., – каждая из которых отражает действие охраняемого законом интереса в правовом поле гражданского права. В свете изменений в предмете и методе гражданско-правового регулирования воздействие гражданского права на охраняемый законом интерес существенно развивает и усложняет взаимосвязи последнего с такими правовыми явлениями, как гражданская правоспособность, гражданское право и гражданско-правовое отношение.

Актуальность темы научного исследования обусловлена отсутствием определенности правовой природы охраняемого законом интереса в механизме изменения гражданско-правового статуса лица. Соответственно, цели и задачи работы сводятся к выяснению правовых свойств охраняемого законом интереса при становлении (изменении и прекращении) гражданско-правового отношения с участием заинтересованного лица. В результате выполнения автором целей и задач исследования в диссертации:

- у охраняемого законом интереса и опосредствующих его юридических возможностей устанавливаются свойства правовых средств, упорядочивающих отношения по изменению гражданско-правового статуса личности;
- определен механизм гражданско-правовой охраны, предоставляемой слабой стороне при осуществлении ею охраняемых законом интересов;
- раскрыты способы гражданско-правовой защиты охраняемого законом интереса, которыми обеспечивается фактическое осуществление гражданской правоспособности.

Полноценному выполнению поставленных целей и задач способствовала логически обоснованная структура основного текста диссертации, состоящего из четырех глав – по два параграфа в каждой.

В первой главе изложены положения о формировании правовой природы охраняемого законом интереса в результате воздействия гражданско-правовых норм на релевантные интересы личности. В первом параграфе определяется понятие охраняемого законом интереса, под которым понимается юридическая возможность поведения заинтересованного лица (стр. 24), и дается обоснование ряда существенных отличий указанной возможности от субъективного права (стр. 17–23). Придерживаясь мнения правоведов, которые считали охраняемый законом интерес элементом общерегулятивного правоотношения, соискатель признает именно это правоотношение «вместилищем» правовой возможности носителя интереса (стр. 16–17). Тем самым получает логическое обоснование и развитие тезис о расположении охраняемого законом интереса на отдельном уровне правового обеспечения интересов личности, на котором такая правовая возможность сменяет права человека и далее переходит в субъективные права. На этом уровне охраняемый законом интерес по своей конструкции охватывает и юридически защищенный интерес, и ситуативную юридическую возможность лица удовлетворить данный интерес, способы осуществления которой зависят от инициативы ее обладателя (стр. 14, 19, 21).

Указанные свойства отвечают предложенной соискателем характеристике охраняемого законом интереса как правового средства, восполняющего собой

отсутствие субъективного права в том, что касается удовлетворения интересов (стр. 18). При этом юридическая природа возможности, которая предоставлена охраняемым законом интересом, допускает обоснование правовой защиты этой возможности действием корреспондирующей всеобщей пассивной обязанности не нарушать чужой интерес (стр. 20, 23).

Рассматривая различные варианты классификации охраняемых законом интересов, диссертант сосредоточивается на отраслевом критерии, по которому выделяет гражданско-правовые интересы (стр. 24). Далее автором проводится анализ свойств гражданско-правового интереса как отраслевого юридического средства удовлетворения интереса (стр. 28–31). Сделан вывод, что нахождение в составе гражданского правоотношения «общего типа» позволяет гражданско-правовому интересу стать правовым средством фактического осуществления заинтересованным лицом гражданской правоспособности. В процессе перехода гражданской правоспособности в конкретные гражданские права и обязанности меры защиты охраняемого законом интереса позволяют сохранить правовое равенство заинтересованных лиц (стр. 30).

Второй параграф содержит обоснование правового режима реализации гражданским правом социальной функции – охраны интересов слабой стороны. Автором приведены веские доказательства собственного оригинального вывода о признании слабости не фактическим, как прежде, а юридическим положением субъекта гражданского права (стр. 41). Отмечено, что юридическое неравенство лиц возникает по причине ущемления гражданско-правового интереса слабой стороны после начала фактической реализации ею правоспособности, но ранее момента вступления в правовое отношение (корпоративное, обязательственное и др.) с сильной стороной (стр. 42). Гражданско-правовой интерес оказывается ущемленным в случае появления препятствия к осуществлению охватываемой им юридической возможности (стр. 43). В свете действия гражданско-правовых начал автономии воли соискатель аргументирует юридический характер такого препятствия стеснением воли слабой стороны, имеющей существенно меньший объем экономических и иных фактических возможностей. Эта количественная

оценка автономии воли, позволяющая констатировать неравенство воли слабой и сильной сторон, подлежит применению в специальных случаях, когда имеют правовое значение мотивы волеизъявления – при кабальной сделке, договоре присоединения и др. (стр. 44–45).

Для того, чтобы признание слабости юридическим положением субъекта не противоречило диспозитивному началу гражданско-правового метода, автор предлагает считать такое положение опровержением юридической презумпции равенства. Согласно этой презумпции, выводимой соискателем из нормы абз. 1 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, участники отношений, регламентируемых гражданским законодательством, признаются юридически равными, если иное не предусмотрено законом. При установлении «иного» – юридической слабости лица – слабой стороне гарантированы права, привилегии и льготы, но общие положения к ее отношениям с сильным контрагентом подлежат субсидиарному применению (стр. 46–49).

Во второй главе работы у гражданско-правового интереса определены свойства и функции элемента гражданско-правового статуса личности. Первый параграф содержит вывод о том, что в гражданско-правовой интерес подлежит отграничению от иных правовых возможностей в гражданско-правовом статусе личности, представляя собой промежуточное звено между правоспособностью заинтересованного лица и гражданским правоотношением с участием данного лица. В развивающейся общественной ситуации гражданская правоспособность лица переходит в юридическую возможность заинтересованного лица, которая в отсутствие потенциального гражданско-правового отношения конструируется на основе разумно ожидаемых способов удовлетворения интереса (стр. 53–55). Пока у заинтересованного лица не возникли субъективные гражданские права, его гражданско-правовой интерес является самостоятельным объектом защиты (стр. 55–56).

Непосредственная юридическая защита гражданско-правового интереса признана в диссертации субъективным гражданским правом, которое возникает по собственному фактическому основанию – нарушению гражданско-правового

интереса (стр. 57, 61–63). Соискатель предлагает свое оригинальное правовое понятие нарушения гражданско-правового интереса. «Нарушением» признается посягающее на правовую возможность заинтересованного лица неправомерное действие или бездействие, которое в качестве дефектного юридического факта является препятствием к ее реализации обладателем. Правопрепятствующий характер дефектного юридического факта обоснован тем, что этот последний: а) в качестве лишнего факта разрушает сформированный фактический состав или другую совокупность предпосылок к удовлетворению интереса, пресекая, делая неопределенным либо исключая реальное осуществление юридической возможности; б) не дает завершить фактический состав, т. к. влечет за собой несоответствие закону недостающего юридического факта (стр. 64–71).

На основе проведенной классификации гражданско-правовых интересов диссертант выделяет из их числа юридические интересы. В таких гражданско-правовых интересах заинтересованное лицо наделено правовой возможностью удовлетворить свой активный организационный интерес, который заключается в правообразовании – выгодном изменении правового положения (стр. 57–61).

Во втором параграфе систематизированы юридические формы, которые стимулируют правовую инициативу добросовестного заинтересованного лица путем придания юридической действительности промежуточным последствиям реализации гражданской правоспособности. Диссертант разработал правовое понятие правоожидания – юридической возможности заинтересованного лица разумно ожидать выгодных юридических последствий, которая удовлетворяет активный организационный интерес ее обладателя. Возникая как «истечение» из гражданской правоспособности лица при изменении гражданско-правового статуса, правоожидание фиксирует «пассивное состояние» будущего правового отношения. Автор выделяет правоожидание, которое сохраняет свое тождество, во внутренней структуре правовых возможностей (субъективных гражданских прав, правомочий и прочих правовых средств) преобразовательного характера, в т. ч. юридических интересов и секундарных прав (стр. 77–79).

Предлагается единая категория фактического основания правоожидания, под которую подпадают фактические составы, влекущие возникновение таких преобразовательных правовых возможностей. К общим признакам фактических составов подобного рода соискатель относит специфические черты внутренней структуры, которая включает: а) правопорождающее волеизъявление носителя интереса, способное повлечь за собой будущее гражданское правоотношение при условии добавления иных юридических фактов; б) правовую презумпцию практической осуществимости накопления таких фактов, выводимую автором из презумпции разумности действий участников гражданских правоотношений (стр. 76, 79–83).

При определении основания и способов защиты правоожидания автором приняты во внимание: 1) природа опосредствуемого правоожиданием интереса – интереса в правообразовании, правовой возможности удовлетворить который препятствуют дефектные юридические факты, разрушающие либо не дающие завершить необходимый фактический состав для потенциального гражданского правоотношения; 2) абсолютный характер правоожидания, которое для своего осуществления само по себе не требует взаимодействия с посторонним лицом; 3) корреспондирующая пассивная обязанность не посягать на правоожидание, которая распространяется на неопределенный круг лиц. Перечень надлежащих способов судебной защиты правоожидания ограничивается процессуальными формами исков о признании и преобразовательных исков (стр. 78, 83–88).

Исходя из указанных в работе общих юридически значимых признаков – норм общей части гражданского права (нормативной основы), регулируемых отношений (сферы действия), выполняемой функции правового обеспечения активного организационного интереса добросовестного субъекта, – обосновано объединение правовых средств с фиксируемым правоожиданием в юридически действительный правовой режим, а именно: режим правового ожидания. Этот правовой режим охватывает: 1) юридические интересы; 2) секундарные права (правомочия); 3) отдельные ограниченные вещные права и обязательственные права, направленные на правообразование; 4) такое охраноспособное владение,

которое гарантирует приобретение владельцем имущества в дальнейшем права владения (стр. 89–93).

В третьей главе раскрывается режим обеспечения охраняемых законом интересов личности в сфере вещного права. В первом параграфе разработан механизм юридической защиты фактического владения в процессе образования гражданских правоотношений с участием владельца. Автор предлагает понятие квалифицированного владения, определяемого как охраноспособное законное фактическое владение, правовым основанием которого служит правоожидание приобретения владельцем права владения. Под понятие квалифицированного владения подпали беститульные владельцы – по положению до приобретения ими владельческого титула, или права владения, в т. ч. узукапиент, находчик, лицо, задержавшее безнадзорное животное, иной владелец бесхозной вещи, самовольный застройщик, владелец вновь создаваемой недвижимости, а также приобретатель имущества по договору до момента перехода к нему вещного права (стр. 98–99, 109). В диссертации владение таких лиц признано законным в силу презумпции законности владения, несмотря на отсутствие у них права владения – владельческого титула (стр. 100–102).

Соискатель аргументирует вывод о возникновении квалифицированного владения у лица, которое завладело вещью в рамках незавершенного способа приобретения права владения. Дальнейшее накопление фактов в фактическом составе влечет практически осуществимое достижение основания приобретения данного права (стр. 102–104). Однако при наличии посягательства на владение пределы применения мер защиты зависят от способа приобретения будущего права владения – первоначального или производного, поскольку: 1) если право владения приобретается по воле собственника вещи (управомоченного лица), квалифицированный владелец имеет право на защиту даже против титульного владельца – по ст. 305 ГК РФ; 2) если право владения приобретается помимо воли собственника (управомоченного лица), то квалифицированный владелец имеет право на защиту без ущерба для титульного владельца – по п. 2 ст. 234 ГК РФ (стр. 105–108).

В режиме юридической защиты квалифицированного владения, который обоснованно считается петиторным, применимые способы защиты гарантируют как неприкосновенность владения, так и приобретение лицом права владения. Основания применения этих способов – положительных и отрицательных исков о признании, преобразовательных исков, исков по правилам статей 302, 304 ГК РФ и др. – включают в себя нарушение правоожидания квалифицированного владельца (стр. 109–116).

Во втором параграфе систематизированы правовые возможности, путем применения которых охраняются интересы участников в ходе развития вещных правоотношений. Отмечено, что организация вещных правоотношений требует инкорпорировать в вещно-правовые институты вместе с правом собственности также юридические возможности приобретения данного права – юридические интересы, гражданские (ограниченные вещные) права и правомочия, правовой режим осуществления которых обусловлен используемой конструкцией права собственности, а именно: абсолютного (т. е. вещного) права либо «связки прав» (стр. 116–120).

При множественности участников вещно-правовых отношений по поводу одного и того же имущества активные организационные интересы данных лиц опосредствуются: 1) путем обременения права собственности – особым видом ограниченных вещных прав, именуемых в науке правами приобретения чужой вещи; 2) путем разделения права собственности между несколькими лицами, как-то: а) на идеальные доли (по горизонтали) – юридическими возможностями образования, изменения и прекращения общей долевой собственности, включая преимущественное право покупки доли и правовую возможность выделения доли из единого права собственности; б) по вертикали (по линии правомочий), при котором имеются рассредоточенные во времени вещные права, – вещными правопритязаниями (future interests); 3) путем соучастия в праве собственности, когда за всеми сособственниками признается неделимое право собственности, – правовыми возможностями прекращения юридически незаменимых отношений общей совместной собственности, в т. ч. раздел и выдел. Указанные правовые

возможности фиксируют правоожидания участников вещных правоотношений, в связи с чем обоснованно включены соискателем в режим правового ожидания (стр. 121–136).

В четвертой главе излагаются правовые средства, которые направлены на организацию правоотношений между заинтересованными лицами в области обязательственного права. В первом параграфе сформулированы положения относительно правовых возможностей лица, за счет которых удовлетворяется его интерес в образовании, изменении и прекращении основного обязательства, но которые не охватываются правами требования в таком обязательстве. Автор в указанную группу включает юридические возможности как охранительного, так и регулятивного характера, в т. ч.: 1) внутри организационного и основного обязательств – секундарные права, преимущественные права, права требования о заключении основного договора, права выкупа, права требования из условных сделок; 2) вне пределов любого обязательства – организационного и основного: а) право на защиту, осуществляемое путем мер против нарушений договорных преимущественных прав, прав требования о заключении основного договора или прав выкупа; б) секундарные права и юридические интересы, охраняемые на основании закона либо начала добросовестности – по «правилу эстоппель» (стр. 146–158). При этом регулятивные юридические средства подобного рода соискатель относит к режиму правового ожидания, поскольку они закрепляют соответствующие правоожидания (стр. 159).

В диссертации сделан важный вывод о том, что относительный характер обязательственных правоотношений не препятствует юридической защите прав требования и охраняемых законом интересов участников этого правоотношения от нарушений третьими лицами (стр. 138–139). Данная защита осуществляется путем возмещения вреда, причиненного деликтом третьего лица – вторжением в чужие договорные отношения, – а также путем взыскания неосновательного обогащения и применения реституционных мер (стр. 141–146).

Во втором параграфе развиты ранее сформулированные диссертантом положения о слабой стороне, режим защиты которой предложено задействовать в сфере договорных правоотношений.

Правовая слабость стороны договора-сделки возникает из определенного фактического основания, влекущего препятствие к осуществлению гражданско-правового интереса такого лица до его вступления в договорное обязательство. Данным фактическим основанием – юридическим фактом – в работе признано неравенство переговорных возможностей, которое стесняет волю слабого лица, затрудняя согласование им отдельных условий договора, вследствие чего далее возникают правоотношения с участием слабой стороны – из кабальных сделок, публичных договоров, договоров присоединения и потребительских договоров (стр. 162–166).

Разработанное соискателем общее юридическое понятие слабой стороны предложено распространить не на исчерпывающий перечень, а на определенную группу обязательственных правоотношений, которые возникают на основании договора-сделки с участием юридически слабой стороны (стр. 159–161, 179).

Соискатель приходит к выводу, что отличительным признаком указанных правоотношений является договорная позиция стороны в обязательстве, против которой согласованы неправомерные договорные условия. Данными условиями в диссертации признаны: 1) дискриминационные условия, которые запрещены положениями о публичном договоре; 2) несправедливые договорные условия, против исполнения которых установлены меры защиты нормами о кабальной сделке и договоре присоединения, т. к. данные условия: а) обременяют слабую сторону; б) предусматривают для ее сильного контрагента такие преимущества, которые являются явно чрезмерными ввиду несовместимости с хозяйственной целью (каузой) договора-сделки; в) причиняют невосполнимый вред интересам слабой стороны в ее правоотношениях с сильным контрагентом; 3) незаконные, или формально неправомерные, условия, которые противоречат императивным правовым нормам, предусматривающим специальные предписания для охраны интересов слабой стороны (стр. 165–178).

На основе изучения диссертации и опубликованных работ автора по теме диссертационного исследования необходимо отметить, что сформулированные в диссертации научные положения, выводы и рекомендации – обоснованы и достоверны. Соискатель применил в работе методы исследования, адекватные целям и задачам диссертации в контексте современных достижений правовых наук. Результаты работы опираются на положения российской и иностранной правовой доктрины и достигнуты за счет проработки соискателем обширного перечня репрезентативных источников – трудов отечественных и зарубежных ученых-юристов по проблемам теории права и цивилистики, законодательства государств из разных правовых систем, а также материалов судебной практики.

Научная новизна результатов диссертационного исследования, должным образом раскрытая в положениях на защиту, состоит в предложенной автором методике научно-практической систематизации гражданско-правовых средств, которыми в механизме становления и развития гражданских правоотношений обеспечиваются осуществление и защита охраняемых законом интересов лица – потенциального участника.

Наряду с положительной характеристикой диссертации можно указать и на критические замечания:

1) представляются недостаточно определенными критерии разграничения охраняемого законом интереса, рассматриваемого в диссертации как правовая возможность поведения, и субъективного права. Соискатель на страницах своей работы сам признает, что предоставление правовой защиты всякому интересу предполагает неизбежное возникновение у его носителя субъективного права – права на защиту. Исходя из концепции действующего Гражданского кодекса России, обоснованным было бы считать охраняемые законом интересы именно гражданскими правами, которые возникают и подлежат правовой защите в силу общих начал и смысла гражданского законодательства;

2) вызывает сомнения определение диссертантом правоожидания через понятие юридической возможности. Понятие правоожидания в целом является содержательным, поскольку охватывает действительные взаимосвязи правовых

явлений внутри структуры гражданско-правового статуса личности, выражая возможность (т. е. практическую осуществимость) ожидаемого формирования порождающего (правоизменяющего, правопрекращающего) фактического состава. Что касается меры возможного поведения личности, то в этом качестве правоожидание вряд ли имеет самостоятельное бытие. Диссертант обнаружил правоожидание только как элемент (правомочие) в конструкциях гражданских прав и охраноспособного владения, который фиксирует «пассивное состояние» будущего правоотношения. Однако объект отмеченной правовой возможности, который является существенным признаком последней, не определен в работе четко и ясно. В итоге возникает вопрос о том, чтобы понятие «правоожидания» как правовой возможности считать юридической фикцией, созданной с целью правовой охраны будущих прав и интереса лица в изменении правоотношения;

3) не вполне разъяснены в диссертации признаки разработанного автором режима правового ожидания. Практически необходимая систематизация прав, правомочий и иных юридических форм, которые опосредствуют интересы лица в правообразовании, все же не укладывается в теоретически признанные рамки правового института или подотрасли. Сфера возникновения режима правового ожидания – организационные правоотношения – прямо не определена законом в качестве предмета гражданского законодательства. При научном обосновании правовой действительности режима правового ожидания диссертант не отводит этому правовому явлению никакого места в соответствующих классификациях правовых режимов. Можно предположить, что правовое явление, которое автор именует режимом правового ожидания, на самом деле является тождественным отраслевому режиму гражданско-правового регулирования в целом и не имеет никакой специальной природы;

4) спорным является правовое понятие «квалифицированного владения». Предлагаемое научное решение прикладной задачи по расширению оснований защиты владения представляется в целом эффективным. Так, вместо частных случаев охраны владения будущего собственника (правообладателя) действует общая правовая категория охраноспособного владения. Но трудно согласиться

с определением квалифицированного владения как беститульного, коль скоро автор называет правовое основание такого владения, а именно: правоожидание. К тому же возникает вопрос о допустимости признания фактического владения законным, что сделано вопреки распространенным в среде ученых-цивилистов взглядам. Применительно к рассматриваемой проблеме необходимо разъяснить соотношение объемов понятий «правовое основание» и «владельческий титул», а также «законное владение», «титульное владение» и «фактическое владение»;

Указанные недостатки работы не умаляют общей положительной оценки диссертационного исследования, которое проведено диссертантом на высоком научном уровне.

В автореферате надлежащим образом изложены основные идеи и выводы диссертации, продемонстрирован вклад автора в проведенное исследование, отражены степень новизны и практическая значимость результатов научной работы, а также указаны все обязательные сведения.

Итак, диссертационное исследование Ульянова Алексея Владимировича на тему: «Охраняемые законом интересы в гражданском праве» соответствует критериям кандидатских диссертаций по Положению о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а соискатель заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Официальный оппонент,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)»

125993. Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9
+7499 244 88 88
civil_law_msai@mail.ru

Богданов

Д.Е. Богданов

